

ЭХО ВОЙНЫ

5 стр.

Нет в нашей огромной стране семьи, которая так или иначе не была бы причастна к предстоящему празднику 60-летия Победы. Многие приближали этот день не на передовой с автоматом в руках и у станка в глубоком тылу, а на фронтовых подмостках.

Легенда российского балета, солистка Большого театра Ольга Лепешинская все годы войны прошла с концертами в специально созданных фронтовых бригадах. В зной и стужу, в слякоть и непролазную грязь выходила она на импровизированную сцену своими изящными ножками в розовых балетных тапочках. На коротких привалах и в госпиталях советские солдаты замирали при первых звуках нежного вальса. Лепешинская кружила в танце с партнером, вновь и вновь напоминая солдатам о мире, о доме, о семье и друзьях. На изможденных и огрубевших лицах солдат с каждым новым тактом вальса появлялось выражение умиления и восторга, а иногда и скупые солдатские слезы.

— Именно там я и оставила свои ноги, — горестно вздыхает балерина, опираясь на костыли в больничном коридоре. Вот уже несколько дней Ольга Васильевна находится на лечении в знаменитой "кремлевке" в отдельной палате неврологического отделения. Только "МК" позволили навестить великую балерину в клинике.

бомбежек спрашивали: "Жива ли Лепешинская?" "Которая?" — смеялся он. (Кстати, именно в тот день, когда великая балерина оставила балет, у скульптуры отвалилась одна рука, и ее сняли вообще. — Прим. авт.). В конце концов о наших подвигах на крышах узнал Сталин и запретил нам это делать. Видимо, опасался за нашу жизнь. А вот когда Козловский обратился к нему письменно с просьбой отпустить меня из театра с концертами на фронт, он разрешил. Вот так я попала в первую фронтовую бригаду.

— **Вы помните свой первый концерт на фронте?**

— Это было в Харькове, когда Жуков его второй раз у немцев отобрал. Ехали на машине, а навстречу шли нескончаемой чередой беженцы. Зрелище меня буквально потрясло. Изможденные женщины впрягались вместо лошадей в

ШИНЕЛЬ

ДЛЯ ФРОНТОВОЙ ЗОЛУШКИ

Ольга ЛЕПЕШИНСКАЯ:
"Я оставила свои ноги на войне"

— Это просто божественно, какое великолепие! — восхищается Ольга Васильевна, принимая огромный букет темно-бордовых роз. — И как вы смогли угадать мой любимый цвет!

Глаза 89-летней балерины озорно заблестели, и она стала нежно прикасаться к лепесткам роз своими тонкими бледными пальцами. Она, казалось, сейчас выпорхнет из своего уютного кресла и примет танцевать с цветами в руках. Вдруг Ольга Васильевна обняла руками колени и медленно опустила седую голову.

— Мои ступни висят как плети. А как я любила танцевать! Иногда костюмерше приходилось буквально держать меня за край пачки. Чтoby я, не дай бог, не выскочила раньше.

Вот уже несколько лет Ольга Васильевна не в состоянии ходить без посторонней помощи. Врачи "кремлевки" пытаются облегчить страдания балерины и делают все возможное, чтоб вернуть ее к активному образу жизни. Ведь Ольга Лепешинская продолжает руководить правлением Центрального дома работников искусств! Мужеством и самопожертвованием этой женщины нельзя не восторгаться. Лауреат нескольких государственных премий и многочисленных наград, академик Ольга Васильевна Лепешинская на днях получила еще одну правительственную награду — орден "За милосердие".

— **Ольга Васильевна, а когда вы получили свою первую государственную награду?**

— О! Я тогда была еще ребенком. После окончания балетной школы, куда, кстати, меня привела мама вопреки желанию отца, я станцевала партию Суок в балете "Три толстяка". Сталину понравилось мое исполнение, вот он самолично и включил меня в список на получение Государственной премии. Вернее сказать, вычеркнул фамилию одной из великопнейших балерин, а мою вписал. И вот, представляете, я в последнем акте спускаюсь по лестнице в так называемый колодезь, где мне предстоит открыть клетку с тигром. И вдруг — о боже! — на меня устремляются все прожекторы и софиты театра, и диктор объявляет о присуждении мне Сталинской премии! Зал взорвался овацией.

— **Война застала вас в Москве. Как случилось, что вы попали на фронт?**

— К тому времени я была уже достаточно знаменита. У меня был свой зритель, меня любили, и я уже успела побывать замужем. Первый муж, Илья Трауберг, был несказанно красив. Он, как и его брат Леонид, был кинорежиссером. Влюбился в меня в тот момент, когда я однажды на конкурсе шлепнулась на сцене. Целый год я получала от него очаровательные письма. Но, знаете, инкогнито. Подписывался только двумя буквами: И.Т. Первое свидание произошло на Солянке, под фонарем, смешно сказать, в присутствии мамы, а в 1937 году мы поженились. Но он очень рано ушел из жизни. Произошло это в Германии, где он снимал очередной фильм.

В 1941 году я, как ярая комсомолка, во что бы то ни стало решила уйти на фронт. Но нас с подружкой не взяли, посоветовали сначала закончить школу медсестер. Ну мы и пошли. Но, знаете, увидев в госпитале изуродованное снарядами лицо солдата, я рухнула в обморок. Всем стало ясно, что медик из меня никакой. Мы бегали мыть метро, провозжали поезд на фронт...

Родители эвакуировались в Куйбышев, а я жила в Брюсовом переулке в небольшой комнатке на последнем этаже. В этом доме жили Неждановы, Рейзан, Златогоровы, Максаковы, Михалковы-Кончаловские, в общем, сливки общества. По ночам, когда бомбили Москву, мы высказывали на крышу и гасили сброшенные фашистами бомбы-«зажигалки». Не бегал только Рейзан, он был такой огромный, что не мог натянуть на себя пожарные штаны. Мы установили дежурства. Как-то я дежурила на крыше дома напротив Елисеевского магазина, а на ее углу стояло каменное изваяние девушки с руками в изящной позе. Все шутили, сравнивали ее со мной. А у Михаила Габовича, моего партнера по театру, который командовал отрядом ПВО на крыше дома «Известий», каждый день после

повозки, на которых среди многочисленных узлов сидели перепуганные ребятишки. Старик шли рядом, несли на плечах всяческий скраб. Шли молча, опустив головы. Всюду по краям дороги и на обочинах валялась искореженная военная техника, вперемешку с трупами. Вот такой я впервые увидела войну.

Пока мы добивались до бункера командующего, промарили до нитки. Жуков, когда увидел нас, приказал немедленно отогреть и накормить борщом. Какой был борщ! Настоящий, украинский. Сытые и отдохнувшие, мы расселись рядом с командующим. Вот тут-то Козловский впервые и запел только что написанную песню «Темная ночь». Жуков не сводил с него глаз и вдруг... заплакал. Его подчиненные оторопели. Видимо, таким они его видели впервые.

На фронт к солдатам он нас не пустил, сказал, что это очень опасно. Нас привезли в отряд к авиаторам под Харьковом, где и прошел первый концерт. Потом был госпиталь. Основных раненых уже отправили в глубокий тыл, оставались лишь двое прикованных к постели. Сестрички вывели их на балкон прямо на кровати, и мы танцевали для ребят внизу на небольшой площадке перед зданием госпиталя. У одного из них на глаза навернулись слезы, и он вытер их записыванной рукой.

Вот так мы и переезжали от госпиталя к госпиталю, от части к части, следуя за нашей армией. Иногда для наших выступлений солдаты мастерили небольшие площадки. Иногда мы давали концерты прямо с кузова машин, но чаще всего — прямо на земле. Когда костюмы и обувь приходили в негодность, мы возвращались в Москву. Запасались новыми — и опять в путь. Наш вид в солдатских телогрейках приводил работников театра в легкое замешательство...

Однажды на подьезде к центру Минска Козловский неожиданно попросил остановить машину. «Вы слышите, слышите звук "ля"? — обратился он к артистам. Все силились что-либо услышать, выйдя из машины, но тщетно. Ольга Лепешинская направилась в сторону разрушенного бомбой многоэтажного здания. «Я, кажется, что-то слышу. Да, точно! Слышу! Звук доносится из этого здания». Все вслед за Ольгой пошло к развалинам. И в этот момент перед ними открылась потрясающая картина. С фасадной, частично сохранившейся стены на втором этаже свисала клавишная часть разбитого рояля. Торчавшая из нее пружина ударялась о стену, издавая чистое "ля". А где-то вдалеке ему вторил гулкий, едва уловимый грохот орудий.

— Вот она, музыка войны, — вспоминает Ольга Васильевна. — Но каков Козловский, а? У него действительно абсолютный слух.

Каждый раз, выезжая из Москвы, Ольга Лепешинская брала с собой 12 пар балетных туфель. В только что освобожденной от немцев Варшаве на концерте последняя пара истрепалась до лохотков, в носки, как в пластилин, впились камешки. И в этот день пришла телеграмма от балетмейстера Захарова: «Немедленно возвращайтесь в Москву — для вас делаю "Золушку"».

Стерев последнюю пару «башмачков», Золушка вернулась в театр. В мае 1945 года Ольга Лепешинская за свою работу во имя Победы получила телеграмму с благодарностью от самого Сталина. И до, и после войны Иосиф Виссарионович любил посещать спектакли с ее участием. Он относился к Лепешинской с особой теплотой и даже дал ей кличку Стрекоза.

— **Ольга Васильевна, вы часто вспоминаете военные годы?**

— Нет. И в памяти почему-то всплывают не те страшные моменты, а выское голубое небо. И Козловский, поющий в кузове отброшенными бортами, залитый ярким солнечным светом, словно софитами в театре. Только вместо колонн — высокие тополя, а среди зрителей — солдаты, сидящие на плащ-платках с котелками в руках.

Знаете, из всех, кто тогда со мной колесил с концертами по фронтам, в живых осталась я одна. 9 мая я подниму за них чарочку вина.

Мила КАРАЛОВА.